

О ЗНАЧЕНИИ СОБОРНОЙ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ НАРОДА: ОПЫТ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Симашенков Павел Дмитриевич
Севостьянова Анастасия Евгеньевна

Самарский университет государственного управления «МИР»,
Самара, Россия
pavel.simashenkov@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятий «исторический народ» и «соборная Личность» как идеологических концептов и нравственного камертона истории. Актуальность проблемы определена важностью переосмысления отечественного историософского наследия, способного обеспечить развитие науки в самобытном русле: по мнению авторов, только такой метод обеспечит движение вперед, не прерывая связь времен и тем самым обеспечивая историческую ответственность.

Ключевые слова: народы; соборность; концептуальная история; славянофилы; славянофильство; патриотизм; политическая идеология; идеологические концепты

ON THE SIGNIFICANCE OF THE COLLECTIVE PERSONALITY IN THE FORMATION OF THE PEOPLE: THE EXPERIENCE OF RUSSIAN HISTORY

Pavel D. Simashenkov
Anastasia E. Sevostianova
Samara “IMI” PA University
pavel.simashenkov@yandex.ru

Abstract. The article reveals the content of the concepts of “historical people” and “Collective Personality” as ideological concepts and moral tuning fork of history. The relevance of the problem is determined by the importance of rethinking domestic historiosophic heritage, able to ensure the development of science in a distinctive way: according to the authors, only this method will ensure progress without interrupting the relationship of time and thereby ensuring historical responsibility.

Keywords: peoples; catholicity; conceptual history; Slavophiles; Slavophilism; patriotism; political ideology; ideological concepts

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью уяснения термина «народ» в социально-политическом и гуманитарном аспектах. Объект исследования – народ как идеологический концепт, предмет – историософское его осмысление.

История, как правило, преподносит уроки – да и то лишь способным ее постичь. Она подобна картине, висящей на стене музея в ожидании человека, способного вдохновиться ей. И потому так важно сызмальства поддерживать в людях способность воодушевляться и восхищаться, т. е. буквально – быть сопричастным духу Творца и способным сочувствовать отображенному в творении. Думаем, в этом таланте соперничания и заключено «зерно патриотизма» [8, с. 48], когда человек чувствует духовное родство с живущими и ушедшими соотечественниками, воспринимая себя как частицу народа, а его историю и культуру – неотъемлемой частью и основой своей жизни: вот «с чего начинается Родина».

Легендарность русской истории во многом характеризуется феноменом соборной Личности. Легендарные эпизоды (поступки) подчеркивают типичное в народе: его мечты и чаяния, его представление о способе преодоления типового, т. е. обывательщины. А вот финал сказаний скорее типовой: или трагическая случайность, или предательство как ее неизбежность. Там, где по разным причинам принято не выделяться, мыслят собирательными образами, в этом и состоит парадокс конкретики типичного. Типичный герой в русской литературе не значит «типовой». Русский феномен «непростого простого человека» (дореволюционных «маленьких и лишних людей», героев «производственных романов» в СССР) – в причастности соборной Личности, благодаря чему образ становится квинтэссенцией общественного, но не массового. Сказанное в полной мере относится и к народу в целом; в нем, по утверждению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «надо различать два понятия: народ исторический и народ, представляющий собой известную идею... второму я всегда сочувствовал» [6, с. 227]. Великий писатель как всегда прав – вопрос о народе есть в первую очередь вопрос о должном и сущем. Сравним с чаадаевским изречением: «Настоящая история народа начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей» [11, с. 29].

Важно подчеркнуть: народ есть высшая, над-историческая реальность, посему исследователю едва ли доступно объективно ее охарактеризовать. Будучи современником, он растворен в народе, а если брать временную дистанцию – «для истории нет возможности иметь дело с народными массами» [9, с. 370]. Это сродни пресбиопии, возрастной дальновзоркости, когда зрение подводит в обоих случаях: вблизи – слабо-различимая конкретика, вдали – абстрактная совокупность. Индивидуализирует всегда неправильность, асимметричность, «шершавость характера». С точки зрения эстетики эта асимметрия, характерность обостряет в историках портретное чувство, желание за непохожим угадать, почувствовать, отыскать гармонию – то, что эта непохожесть декорирует.

Массовый (типовой) персонаж обыкновенно малопривлекателен. Наоборот, типичный образ облагороженно обобщен: «сочетание в одном

рассеянных черт русских» [1, с. 452], как писал Б. К. Зайцев о св. Сергии Радонежском. Здесь все дело в соборности, сплетающейся из множества общественных и (главное) культурных связей. Прелесть и неповторимость человека в цельности образа, сформированного множеством культурных компонентов. А значимость – в неслиянности и нераздельности каждого индивида и соборной Личности. Он ей не равен, но способен впитать ее опыт; а она не проявится без конкретного человека, зачахнет без воплощения. Благодаря соборной Личности мы и творим историю и сотворены ею. Социальные взаимодействия образуют сложнейший орнамент. Если это нация, орнамент уникален, имеет свой ритм и собственную частоту повторений ключевых элементов – значит, и собственную структуру. На наш взгляд, ключевым моментом, упорядочивающим хаос переплетений и тем самым определяющим красоту орнамента, является интеллигенция – деятели и носители культуры. Чем больше людей связаны с ними (читатели, почитатели, приверженцы, верующие), тем сплоченнее и своеобразнее народ.

Политики и ученые принадлежат истории, но сама она создается художниками и поэтами. Интеллигенция (как образ и подобие человечества на грешной земле) и есть те, кто претворяет идеологию. Невозможно присочинить населению некую «национальную идею» – она должна быть неотъемлема от самого народного духа. Вспомним опыт XIX века: «народовере» во многом выродилось в земские практики из-за того, что предполагало в известном смысле механическую смычку интеллигенции с массами. Но если притяжение противоположностей еще возможно, то смешение – едва ли. Народ как высшая реальность нуждается в земном воплощении, а не в корректировке, и ему потребен «не бог, не царь и не герой», но символ – воплощение соборной Личности. В этом, по нашему мнению, причина неудачи народников: они предпочли миссионерство мессианству, о чем едко высказался Е. Н. Трубецкой: «предметом народнической веры служит жалкий страждущий бог – народ, который не спасает своих почитателей и не освобождает их, потому что сам ждет от них спасения» [10, с. 284]. От себя добавим: причислять к народу лишь страждущих – это очень по-русски. Социальное происхождение непринципиально: в разное время заступниками и печальниками почитали и Лжедмитрия I, и Козьму Минина, и государя Петра Федоровича, и Степана Разина, и опального патриарха Никона. Принцип прост, наивен и оттого особенно убедителен: за народ и с народом тот, у кого душа болит за ближнего. А вот быть с народом, пребывая в благостном настроении от царских щедрот, – невозможно.

Характерно: народ – субстанция, которую нагляднее и удобнее исследовать в контексте конфронтации и антагонизма: антинародная власть, народ и верхи, народ и реформы. Вряд ли народ против власти

как таковой, но он – против безначалия, чаще всего проявляемого беспринципностью власть предержащих. В этом, кстати, и причина окончания многих бунтов после высочайших заверений в показательной расправе над одиозными вельможами. Режим хочет видеть в народе политическую базу и опору, власть же немислима без объединяющего идеала добра и справедливости.

Русские – нация, ближе и органичнее многих воспринявшая красоту христианской догматики: не умозрительные трансценденции, но и не конкретные обывательские добродетели навроде умеренности и аккуратности. По М. М. Пришвину, «мы как народ спасены от гибели не национальным эгоизмом и самомнением, а национальным самоотречением» [5, с. 86]. Осмелимся предположить, что стержень русской идеи – в уповании, сплаве веры в любовь и надежды на мудрость. Само слово «уповать» едва ли можно адекватно перевести на иностранные языки, в нем – простодушная доверчивость, наивность, жажда духовного прозрения и сверхъестественного разрешения проблем. Это сродни беззаветной родительской вере в способности и предназначение своих чад. И уверенности детей в том, что родные, Бог и Русь-матушка их не оставят. Разумеется, веру невозможно ни просчитать, ни подтвердить, ни опровергнуть. Но в ней те скрытые источники (а не ресурсы), что позволяли России возродиться преображенной.

Генезис нашего народа в данном аспекте весьма специфичен. Исстари сами обстоятельства (ход вещей) были против русских и тем способствовали их сплочению, формированию национального самосознания. Переменными компонентами были супостаты, а константой – вроде и своя, но оттого не менее агрессивно-ненасытная бюрократия. Значит, и народной власть становится, вдохновляя на борьбу: неважно, против внутренних или внешних врагов. С этой точки зрения царизм времен 1812 г. народен (отсюда и «уваровская триада», концепт народности). В России не было оформленных социальных классов – и не только от размытости института собственности, а от общей веры, превалировавшей над частными и групповыми интересами. Потому-то «дубина народной войны» отстояла Русь (а не самодержавие) и в Смутное время, и в годину наполеоновского нашествия.

Другое дело, когда противник – не какая-то страна или страта. Опыт СССР доказывает: народ противостоял не только интервентам и «контре», но успешно боролся с разрухой, неграмотностью и технической отсталостью – за светлое будущее. Превосходство советской модели развития было оправдано тем, что именно наши люди управляли временем, торопя и опережая его. Буржуазный мир способен лишь следовать трендам, отвечать на вызовы. Партия и правительство СССР возглавили борьбу народов *против* фашизма, империализма и колониализма.

А борьбу *за* мир вела мировая система социализма, фундаментом которой был русский мир. Массы чувствуют себя народом, воодушевляемые протестом и сопротивлением (общая беда, общая проблема). Когда же все «за» – это в большей степени «миръ» в истинно славянофильском понимании. А. Хомяков считал, что «силы духовные принадлежат народу и церкви. Правительству же предоставлено пробуждать или убивать их деятельность каким-нибудь насилием, более или менее суровым» [4, с. 120]. Как видим, краеугольным камнем является не «Gegenkampf», а вопрос достижения идеала, т. е. идеология.

Единодушие – вовсе не усредненность, тем более не единообразие. Каждый сам за себя – тактика выживания, но не стратегия победы. Любая множественность побеждается единством, единение же – дело не сложения, а концентрации. Русские люди, ощущая культурно-нравственное единство, в мире эмпирической, пошлой действительности консолидируются не столько «за», сколько против того, что посягает на идеалы соборной Личности. П. Н. Милюков исчерпывающе описал то, что ныне модно именовать «негативным народом»: «чувства негодования против оскорбителей святых есть лучшая гарантия и доказательство нашей общественной солидарности» [3, с. 22]. «То, что народ считает святым, есть его скрытое “я”, затаенная сущность духа», – заявлял М. О. Меньшиков [2, с. 355]. До революции такое называли народностью или национальностью, а в XIX в. практически отождествляли историческое с народным.

Общественное потому выше личного, что оно – личностное. «Дело» есть миссия соборного духа, в котором личность творит, включенная в цепь поколений. Человек единственный именно оттого, что не одинок. Вся масса пристрастий, воспоминаний и приверженностей – в его «соборном теле» – уникальна и удерживает от провала в вакуум небытия: так работает своеобразный «закон духовного притяжения», общности со своим Отечеством.

Может быть, человечество и есть сознающая себя мысль. Распространяясь, она способствует установлению равенства в самом идеальном смысле этого слова. Именно лучшее в людях допускает возможность гуманизма, суть которого – в трагической борьбе с мещанской установкой «на всех не хватит». Словами Ю. Самарина, «история движется вперед свободным совпадением народностей с высшими требованиями человечества. Чем свободнее, глубже и шире это совпадение, тем выше стоит народ» [7, с. 88]. Таким образом, отличия заключены не в бытовых моментах, а в идеалах, народом исповедуемых. Своеобразие стремления к идеалу и его реализации и есть главный критерий, определяющий историческое бытие народа.

Список литературы

1. Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. М., 1999. 606 с.

2. Меньшиков М. О. Письма к ближним: полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 2. М., 2021. 831 с.
3. Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции: сборник статей и этюдов. СПб., 1902. 308 с.
4. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: в 8 т. Т. 1. 3-е изд., доп. Москва: Унив. тип., 1886–1900. 408 с.
5. Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. М.: Московский рабочий, 1994. 384 с.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 9. М., 1988. 508 с.
7. Самарин Ю. Ф. Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 3. М., 2017. 396 с.
8. Симашенков П. Д., Рогалева А. А. Историческая память и русская культурная идентичность // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции / под общей редакцией О. А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 46–52.
9. Соловьев С. М. Собрание сочинений. Т. 11. М., 1989. 406 с.
10. Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Томск: Водолей, 2000. 452 с.
11. Чаадаев П. Я. Философические письма. СПб, 2021. 101 с.